

Maria LIVEROVSKAYA What is the song of the Volga

A new edition of the survey article on the folk traditions of the Volga region in the 1920s, prepared by M. Liverovskaya. The article contains several colorful sketches of Russian musical everyday life, encrusted with lyrics and melodies of songs beloved by the people, especially the ditties.

Key words: Maria Liverovskaya, folk songs and ditties.

Мария ЛИВЕРОВСКАЯ Что и как поет Волга

Переиздание ¹ обзорной статьи о состоянии фольклорных традиций Поволжья в 1920-е годы, подготовленной М.И. Ливеровской ². Автор предлагает читателю красочные зарисовки русского музыкального быта, в которые инкрустированы тексты и напевы любимых народом песен, в особенности, частушек.

Ключевые слова: М.И. Ливеровская, народные песни, частушки.

Три года среди волжских просторов, волжских далей, на пароходах, на тихих пристанях, где-нибудь в Белом Яру или в Сенгилее; в лодочках через Волгу, в разлив по верхушкам деревьев, — в больших селах и маленьких городках.

Широкое водное пространство манит к песне, и народ поет, поет, — день и ночь поет под гармонию или балалайку.

Это, прежде всего, песни, а потому мне и в голову не приходило отделять текст от музыки и от исполненья и подходить к нему, как к материалу народного творчества с точки зрения историка литературы или исследователя фольклора.

Песни сами собой вливались в уши, запоминались понемногу и запомнились так крепко, что

по приезде сюда мне захотелось поделиться ими с любителями песни. Для этого нужно было их воспроизвести, спеть.

Но как исполнять в комнате, в концертном зале современную русскую песню?

Народ поет ее ритмично, тягуче, громко, немножко горлом. Песня разносится по воде, по воздуху, смягченная, облагороженная самой обстановкой, неотделимая от этой живой природы вокруг, понятная и приемлемая даже в своей грубости.

Но в комнате такое исполнение показалось бы диким и пропала бы вся прелесть песни.

Я стала петь по-своему, группируя данный текст и выбирая то, что казалось мне наиболее живым, свежим и порою исполненным подлинной поэзией.

¹ [Первая публикация: *Ливеровская М.* Что и как поет Волга // Музыкальная летопись. Статьи и материалы / Под ред. А.Н. Римского-Корсакова. Сб. 3. Л.; М., 1925. С. 136–147. Основные сокращения в тексте раскрыты, орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка, опечатки исправлены без специальных оговорок].

² [Мария Исидоровна Ливеровская, урожденная Борейша (1879–1923) — филолог-романист, переводчица, специалист по западноевропейской литературе средних веков. Получила воспитание в Смольном институте, окончила Бестужевские курсы и стала первой в России женщиной-филологом. Окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, в котором позже преподавала на кафедре В.М. Жирмунского. Слушала лекции в Мюнхенском университете. Владела семнадцатью иностранными языками, переводила прозу и стихи. Издала в своих переводах отдельными книгами «Новую жизнь» (Vita nuova) Данте Алигьери (Самара, 1918) и средневековую французскую анонимную повесть «Окассен и Nicolette» (СПб., 1914). Скончалась в расцвете творческих сил, похоронена на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге].

В результате, волжская песня сделалась доступной всем и всегда возбуждает во всякой аудитории оживленный интерес.

Такую песню в различных местностях народ зовет различно; на Волге — матаней³. В литературе ей присвоено имя частушки.

До сих пор еще частушка не всеми признана, как будто можно не признать того, что живет и властно заявляет о своем существовании.

Исследователи приходят к различным выводам о ее происхождении и об ее отношении к старой русской песне.

Н. Смирнов в своей брошюре «Русские народные песни новейшего времени»⁴ говорит: «У нас не упомянуто об одном довольно распространенном типе современной народной песни, о так называемой частушке, представляющей из себя бессмысленный набор слов, ...но народ, ведь, сам не придает значенья этой бессмыслице, а слагает ее и поет только ради рифмы».

Эти строки написаны в 1895 году; с тех пор вопрос о частушке разработан и рассмотрен любителями фольклора, изданы целые тома частушек (текст, увы, без музыки), и никто уже не называет их бессмысленными.

За последние годы наблюдается стремление записать мелодию частушек, например, в записях Б. И. Дмитриевой⁵ (1914 год).

Если в припевах и встречается иногда набор слов, то этот набор не простой, а очень обдуманный. Мы, кое-чему научившиеся от футуристов, знаем и о заумном языке, и о его выразительности — и нас этим не испугаешь.

Возьмите любой припев и в старинной песне, что получится?

*Чувель мой, чувель чувель навель
вель, вель, вель,
Еще чудо перво-чудо, чудо родина моя.*
(слышана в Самаре в 1919 году на пароходе).

Прочешь такие строки, может быть, и дико, но у меня в памяти они звучат под музыку, как напев, в быстром и веселом плясовом темпе, и там они у места.

Частушка вовсе не новая, не современная песня по своему происхождению: она имеется уже в записях XIX-го столетия, а XIX-й век ее отлично знал.

Ново только увлечение ею, ее повсеместное распространение, конечно, в ущерб старинной русской песне, которую так любит наша интеллигенция.

Причина этого увлечения ясна и понятна.

Старые песни, — баллады, обрядовые и разбойничьи песни, — отжили свой век, стали народу чужими,

поскольку содержание их касалось старых мифов, легенд и сказаний.

С ускорением темпа жизни, с развитием индивидуальности, в народе появилась потребность в более ходкой, подвижной песенной форме, куда можно было бы складывать все впечатления бытия.

Частушка оказалась для этого более всего пригодной.

Это, прежде всего, легкий и приятный напев, короткая музыкальная строка, иногда довольно сложная по рисунку и ритму, чаще простая, назойливая, по-нашему — банальная.

На нее, как на стержень, нанизываются куплеты двух или четырехсложные, с припевом или без него. Строки эти по своему смыслу цельны, замкнуты по своему содержанию. Случается, что они имеют общий смысл, — то есть целый ряд их, и тогда такая частушка ничем не отличается от песни.

Отсюда еще причина увлечения ею со стороны: она удовлетворяет естественной потребности творчества, свойственной всем и каждому.

Всякий может творить, всякий может нанизать на музыкальный стержень новое четверостишие, злободневное, лирическое, политическое, какое ему по вкусу. Удачно придуманное, оно останется и пойдет гулять по селу, по уезду, по губернии, неудачное сотрется, задушется, выпадет из ряда других удачных.

Импровизация, мгновенная радость творчества, вот секрет увлечения и частушками и секрет их успеха.

Частушка вовсе не разложила русской песни и не является продуктом распада ее. Это самостоятельный народный жанр, легче всего ладящий с современностью.

Там пенье было хоровым, творчество коллективным, — здесь творчество и единоличное, и коллективное вместе, поскольку каждый может внести свое, новое, изменить, дополнить, исправить. Старая русская песня, вероятно, слагалась таким же путем.

Но исполнение частушки — сильное, индивидуальное, только припев поется хором. Впрочем, есть целый ряд хоровых частушек.

Много говорят о грубости современной частушки и о ее нехудожественности.

И то и другое относительно. Есть песни грубые и есть трогательные, нежные, и то и другое начало живет в нашем народе.

Мне вспоминается одна картина...

Волга. Теплая лунная ночь. Маленькая пристань в Белом Яру и мы все — кучка баб, мужичков каких-то смиренных, и солдат, и детей — ждем вторые сутки парохода. От скуки публика эта развлекается по-всякому: и поет, и семечки грызет.

³ [Матаня — народное название инструментального наигрыша под частушки, распространенного в Поволжье и других регионах России].

⁴ [Смирнов Н. А. Русские народные песни новейшего времени: Этногр. очерк. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1895].

⁵ [Описка автора статьи. Вероятно, речь идет о записях Е. И. Дмитриевой, в частности, ее статье «Замечания о музыкальной стороне частушек», опубликованной в «Сборнике великорусских частушек» под ред. Е. Н. Елеонской (см. сн. 7). Переизд.: Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и док.: учеб. пособие для студентов музык. вузов / Ленингр. гос. консерватория; вступ. ст., сост. и коммент. П. А. Вульфуса. М.: Музыка, 1979. С. 354–355].

Но в эту лунную ночь на всех нашло какое-то томление. Сидят, молчат, смотрят на блестящую воду, вздыхают.

Внезапно появляется какой-то монашек в высокой скуфье и драном подряснике. «Вася, Вася, блажененький».

Юродивый ставит перед собой столик, становится перед ним и вдруг начинает громко петь молебен Николаю Чудотворцу. Он косноязычен, коверкает слова, но ведет чин молебствия правильно, за священника, за дьякона, за хор.

Бессмысленные слова несутся по воде, напевы почти верны, издали кажется и впрямь молебен на Волге в три часа ночи, но вслушиваешься в этот кощунственный бред — и становится жутко. А бабы благоговейно привычно крестясь, стали кругом и молятся. Тишина, только громкий гнусавый голос исступленно кричит: «Отче Николае, моли Бога о нас». И вдруг с берега раздается громкая, дерзкая песня под гармонику. Вслушиваюсь в слова и затыкаю уши. Никогда, нигде не слыхала такой грубой циничной песни, и, даст Бог, не услышу.

А два напева теперь соперничают друг с другом, кто кого заглушит. Бабы по-прежнему молитвенно крестятся, мужчины введены в соблазн и начинают понемногу покидать пристань.

Грубость, грубые песни есть во всяком народе; частушка ничем не лучше, но и не хуже. Она отвечает всем настроениям народа, будит всяческие эмоции, — выберите, что кому нравится.

Что же касается нехудожественности слова, о которых судят большею частью по сборникам частушек (Симаков⁶, Елеонская⁷ и др.), то тут опять какое-то недоразумение.

Попробуйте издать отдельно текст наших самых популярных романсов особенно переводных, что получится? Они не только антихудожественны, они безграмотны иногда. Но с музыкой вместе, спетые выразительно, они никогда не режут слуха. Так и здесь. Текст поется, сразу в уме творящего он слагается под музыку, которая оправдывает и покрывает многое.

Но, наряду с этим, есть строфы чисто лирические — такой художественной тонкости, что под ними охотно подпишется любой поэт.

Еще с одним мнением исследователей частушки приходится сосчитаться. Частушка — частая песня, говорят они, поется в быстром темпе и произошла, вероятно, из старинного плясового припева.

Возможно, что и так. Но частушка растет и развивается, и такое определение для нее уже слишком узко теперь. Из десяти основных волжских напевов я приведу шесть медленных, тягучих и лишь четыре быстрых. Современная частушка может уже претендовать на разнообразие ритмов и темпов. Таким образом, характерным для определения частушки является лишь одно: пестрота ее словесной композиции, содержание в связи

со стойкостью напева. Текучесть словесная и стойкость музыкальная. Сейчас она в периоде созидания, во что она выльется, неизвестно. Возможно, что строфы подберутся по смыслу и зафиксируются с определенной мелодией, чтобы стать песней обычного типа с припевом или без него, частой или медленной, грустной или веселой, но возможно, что народ надолго удержит эту необычайно удобную для него песенную форму.

Обычно в сборниках текст частушки располагается по рубрикам: лирическая, злободневная, военная, политическая.

А что вот можно сказать о такой частушке, слышанной в дни германской войны в Новгородской губернии на крестьянских посиделках деревни Волок.

Все куплеты пелись подряд на один простой по существу, но разукрашенный форшлагами напев, собственно одну музыкальную фразу, отнюдь не банальную.

Вот настроение обычной, повседневной жизни, личных интересов молодежи.

*Не узко ль тебе, быстрая реченька, по камушкам бежать?
Не стыдно ли тебе, подруженька,
с моим дружкой гулять?*

Параллелизм обычный.

Дальше поэтическое четверостишие:

*Матушка родимая, свеча неугасимая
Свечечка растаяла, любила да оставила.*

И тут же совсем рядом:

*У моего у миленька вырос долгонькой носок,
Девять курочек усядутся, десятый петунок.
Ай, мой миленький дружок, как тебе не стыдно,
Через твой долгой носок ничего не видно.*
и т. д.

Целый ряд стихов, посвященных деревенскому юмору, беззлобному, веселому.

И непосредственно затем первая весть о войне — и сразу торжественное настроение:

*Свет небесный клином сходится,
Принесли дурную весть.
Пресвятая Богородица,
Дай мне силы перенести,*

*На реке на берегу
Построена моленная;
Я пойду да помолюся
За своего военного.*

⁶ [Симаков В. И. Сборник деревенских частушек. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1913. 364 с.].

⁷ [Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. 540 с.].

Что и как поет Волга

Но война сразу вызвала перемену во всем укладе деревенской жизни; каково непосредственное влияние войны?

*Нынче бабам горя нет,
Ни к чему им слезы.
Подивился белый свет —
Мы теперь тверёзы.*

*Позакрылись кабаки,
Расфорсались мужики,
Самоваром кофе пьют,
Сарафаны бабам шьют.*

Как назвать такую частушку: военной, комической, лирической, политической? Ведь это все равно, что отбирать по мастям карты в колоде, когда в игре они все перемешаны.

Я расположу свой материал по основным напевам, ибо содержание их переходное, одни и те же строфы поются на разный напев. И только в основных чертах можно фиксировать ту или другую частушку, как песню.

Итак, что и как поет Волга?

1) По прежнему в селах и городах поют старину, долгие законченные песни балладного типа, с определенным сюжетом: «Вниз по матушке по Волге» живет в народе и по сей час рядом с «Дубинушкой», которая, как песня рабочая, помогает ему грузить тяжести.

Чаще слышится мелодичная и грустная:

*Вниз по Волге реке с Нижнего Новгорода
Снаряжен стружок, как стрела летит...*

С таким поэтическим концом:

*Лучше в Волге мне быть утопленному,
Чем на свете жить разлюбленному.*

Одинаково часто можно слышать песню:

*Вот мчится тройка почтовая,
По Волге матушке зимой,
Ямщик уныло напевая
Качает буйной головой...*

Тоже минорная, тоже печальная.

Очень занимала меня своеобразная по мелодии, близко напоминающая хор поселян а саррелла из оперы «Князь Игорь»:

*Ах, во субботу в день ненастный
Нельзя в поле работать,
Нельзя в полюшке работать
Ни боронить ни пахать.*

С упоминанием о «погибелном Капказе», куда угоняют парней от девок и баб.

Популярная разбойничья песня:

*Из-за острова на стержень
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны...*

поется повсюду на Волге, а за последнее время молодежь усиленно поет очень красиво хором: «Сижу за решеткой в темнице сырой».

Все эти песни давно присвоены городом, и студенчество поет их, как свои собственные. Впрочем, здесь происходит непосредственный и непрерывный «товарообмен».

Песни второй формации, современные, часто злободневные, долгие, сохраняющие все особенности старой песни, за исключением текста, сюжета. Здесь — реальная повседневная жизнь, со всеми ее мелочами. Песня военная, лирическая и просто бытовая.

*«Любила Маруся друга своего», или
«Поедем, красотка, кататься» и т. д.*

Старые песни закончены в своем процессе, потому стали народу чужими, отмерли. Новые еще в процессе творчества, как продукт переходной эпохи, в них много еще незаконченного, текучего.

И над всем этим царит матаня. Везде и всюду, куда не пойдешь, слышится своеобразный тягучий напев ее, причем поочередно то один, то другой входит в моду и преобладает.

Привожу здесь все самое характерное, что я запомнила, располагая материал этот, как сказано выше, по основным напевам.

I. Медленный минорный, с припевом:

Это ты, да это я, да это милушка моя,

разделяющим самую ткань песни. Сделано это, однако, неспроста, припев этот ритмически и музыкально уравновешивает песню.

*Посреди Саратыва
(Это ты, да это я)
Я стояла, плакала
(Да это милочка моя),
Я стояла, плакала,
Слезы в платок прятала.
Там, где с милым мы встречались,
Там сиренька расцвела,
А где с милым расставались,
Там посохли дерева.*

Вариант:

*Там, где с милым мы встречались,
Там зеленая трава,*

*А где с милым расставались,
Там посохли дерева.
Что за месяц за такой,
Когда, светит, когда нет,
Что за милый за такой,
Когда любит, когда нет.
Лед с рекой опять сойдется,
Это ты, да это я,
А вам, милый, не придется,
Это милочка моя.*

Иногда эта песня перехватывается веселым и быстрым припевом, с бойким перебором аккомпанемента:

*В лесу горит, в бору горит,
В лесу горит сосенка,
Слюбилася с молодчиком
Самарская девчонка.*

II. Напев: обычно сразу в том же тоне, только в мажоре, — начинают петь быстрые и задорные строки. Их слышала я в деревне Царевщина, над которой высится знаменитый Царев Курган; о нем воложане⁸ рассказывают множество легенд. Дело было в июле, и вся гора была покрыта цветущим липняком. Поэтому первые строки этой песни показались мне очень удачными:

*Царевщина стоит в яли
Вся усыпана цветами,
Цветами, букетами.
Девками патретами.*

*Что это за лужица,
Голуби купаются,
Что это за девица,
Все в нее влюбляются.*

*Раскудрявая березка,
Ветру нет, а ты шумишь;
Что ж ты, сердце ретивое,
Горя нет, а ты болишь?*

*Две березки распустились,
Третья раскудрявилась.
Али я с ума сошла,
Така дрянь понравилась.*

*Не форси, форсун форсистый,
Я тобой не дорожу,
Хожу боком, мимо — оком
На тебя не погляжу.*

Этот последний куплет чаще поется на первый грустный мотив.

Очень бойко и быстро:

*Ты не стой у ворот,
Не приваливайся
Все равно не поцелую,
Не навязывайся.*

*Ты не стой у ворот,
Не маши фуражкой,
Все равно не полюблю,
Да не зови милашкой.*

Медленно и выразительно:

*Болит, болит грудушка,
Думала, простудушка,
Чем мне грудушку лечить,
Да лучше к милому сходить.*

*Спросит доктор, чем больна,
Семерых люблю одна,
Голова ль моя головка,
Семерых любить неловко.*

В параллель к этому последнему куплету приведу отрывок сибирской частушки, схожей по теме:

*Пришла, маменька, беда:
Стоят двое у окна!
Это, доченька, не диво,
Ко мне семеро ходило.*

*Ты, маменька, не кричи.
Летят в окна кирпичи,
Ты бы, доченька, молчала,
Мне и больше попадало.*

Или еще ближе по теме польская песенка, которую позволю себе привести в русской транскрипции:

*Люди муют, жем я плоха,
Жем двух хлопцев разом коха,
Я не видзе ниц в тем злого,
Не мам сердце каменного.
Кохам Яся, кохам Стася,
Владислава и Михася и т. д.*

III. Напев медленный, тягучий:

*Скоро будет — да, да
Троица,
Земля травкой — да, да
Кроется.
Скоро будет — да, да*

⁸ [Воложане — жители волжских деревень].

*Духов день,
Поцалую тебя
Сквозь плетень.
Положите меня
В гроб дубовый,
И несите — да, да
Через дубровы
Если ж спросить — да, да
Кто такой,
То самарский, да, да
Отрывной.*

«Отрывной», ходячее Самарское выражение, значит удалой, бойкий, «фартовый», как говорят в других местах. «Оторвать» — значит лихо, бойко что-нибудь сделать. Спели хорошо, — «ишь, оторвали».

Этот напев самый оригинальный и по мелодии, и по ритму.

IV напев тоже медленный, его чеканят под гармонь почти синкопами. Припев «Золотистый, золотой, в том ручаюсь головой» делит строку, но не везде, а где это нужно, иногда по смыслу, а иногда для музыкального равновесия.

*За Самаркой бугры, ямы
Золотистый, золотой,
Там мальчишки, атаманы
В том ручаюсь головой.
За Самарой бугры-кочки,
Золотистый, золотой,
Там девчонки, как цветочки,
В том ручаюсь головой.
За Самаркой бугры-кочки,
У ней темные глаза,
На ней тонкие чулки,
А на шейке бирюза,
Припою за соловья⁹
Соловей мальчишка я.
Пускай судят, осуждают,
Нас девчонки оправдают.
У ворот на лавочки
Все сидят по парочки.*

И вот, наконец, чисто самарский блик:

*Моя милка семь пудов,
Не боится верблюдов.*

Первое, что поражало приехавшего из столицы в Самару, — караваны этих милых животных, которые кричат неистовыми голосами и отчаянно плюются.

Вся эта песня, несмотря на медленный темп, очень веселая и задорная.

V напев. Слышала в Симбирске в 1919 году, составная с двойным припевом, попеременная — то медленная, то быстрая.

*Пароход идет, Анюта
1 пр. Волга-матушка река,
На нем белая каюта,
2 пр. Широка и глубока.
Быстрой: И в лодке вода, и под лодкой вода,
Бабы юбки перемочили, перевозчикам беда
Архип? давай, давай, сюда!
Никитка, подавай
Медленно: И льется Волга меж горами...*

Так же составлены все последующие строфы:

*Мы с товарищем вдвоем,
Волга-матушка река
Все мы песни перпоем,
Широка и глубока
И в лодке вода и т. д.
И льется Волга меж горами...*

Третий куплет, основная тема:

*Все пропью, гармонь оставлю,
Танцевать девок заставлю...*

В таком же несложном обрамлении.

VI напев очень популярный, веселый, средней скорости, плясовой с припевом.

*Пароход плывет Тамара,
Вспомни, что было,
Здравствуй, матушка-Самара.
Аль ты забыла?
(Или: В натуре забыла.)
Как Самарка разольется,
Милый лодочку добьется,
Милый лодочку добьется,
А кататься не придется.
Мы на лодочке катались,
Не гребли, а целовались.
Вспомни, вспомни, как бывало,
Я играл, ты танцевала (припевала).
Прощай струковский садочек
И Самара-городочек.*

Припев поется насквозь через всю песню, иногда прибивают еще второй в конце:

Забыла, забыла, забыла про меня.

⁹ Самарское выражение: припеть, припою.

Благодаря такому припеву, песня может быть исполнена с чрезвычайной выразительностью.

VII. Мелодичный напев, на который поются частью все те же строфы и только начало зафиксировано за ним. Строки «Пароход плывет Анята, на нем белая каюта» — поются на все напевы.

*Пароход плывет Анята,
Сирень цветет,
На нем белая каюта,
Вот он идет.
Над каютой голубь вьется,
Девчоночка,
У Аняты сердце бьется,
Молоденька.
Все пропью, гармонь оставлю,
Девчоночка,
Танцевать девок заставлю,
Молоденька.*

VIII напев очень распространенный, веселый, средней скорости, с быстрым припевом¹⁰.

*Сама садик я садила,
Сама буду поливать,
Сама милого любила,
Сама буду разлюбить*
Припев: *Я лимон рвала*
Лимонад пила
В лимонадке я жила
или: *Лимонадчицей была.*
*Деньги дело наживное,
О них нечего тужить,
Вот любовь, дело другое, —
Ею надо дорожить.*
Припев: *Хорошо траву косить,*
*Котора сама косится,
Хорошо девку любить,
Котора замуж просится.*

Характерная особенность Самары — Жигули, Жигулевские горы; Самара лежит высоко на берегу Волги, и отовсюду видны эти величавые «Жигулевские ворота», через которые плывут к Самаре пароходы. А потому именно для Самары характерна песня с припевом, «Жигули вы, Жигули, до чего вы довели».

Напев IX — быстрый, частый, плясовой:

*Вы скажите Алексею,
Жигули вы, Жигули,
Что его любить не смею, —
Вот до чего вы довели.*

*Вы скажите Николаю,
Жигули вы, Жигули,
Что любить его желаю, —
Вот до чего вы довели.
Вы скажите-ка Ивану,
Жигули вы, Жигули,
Что его любить не стану,
Вот до чего вы довели.
Я стояла, улыбалась,
Жигули вы, Жигули,
А сказали, целовалась, —
Вот до чего вы довели.
Я стояла возле вяза,
Жигули вы, Жигули,
А сказали, с долговязым,
Вот до чего вы довели.
Вы скажите Николашке,
Жигули вы, Жигули,
Поступила, мол, в монашки, —
Вот до чего вы довели.
Вы скажите мому милке,
Жигули вы, Жигули,
Записалась я в кормилки,
Вот до чего вы довели.*

По этой песне легко проследить самый процесс народного творчества. Один выдумал стишок: «Вы скажите Николаю и т. д.» Это понравилось. И тут же ясно, что всякий старается еще использовать какое-нибудь мужское имя с соответственной рифмой, — и выходит песня.

В те годы, когда я слыхала эти песни, содержание их по преимуществу было лирическим или бытовым; политические события стали отражаться в этом песенном зеркале позднее.

В 20-м году вся Самара пела знаменитый «Шарабан». Вначале это были куплеты с припевом, вроде такого

*Прощайте, други, я уезжаю
И шарабан мой, вам завещаю
Ах, шарабан мой шарабан,
А я мальчишка шарлатан.*

или:

*Я гимназистка шестого класса
Пью денатурку вместо кваса
Ах, шарабан мой, американка,
А я девчонка шарлатанка и т. д.*

Песня по происхождению городская, частушечного типа.

В 20-м году на этот напев пели по Сибири занесенные куплеты:

*Мундир российский,
Погон японский,*

¹⁰ Этот напев я слышала и в других местах, происхождение его не знаю.

Что и как поет Волга

Табак английский,
 Правитель Омский¹¹.
 Ах, шарабан и т. д.
 Мундир сносился,
 Погон свалился,
 Табак скурился,
 Правитель скрылся.
 Ах, шарабан мой, шарабан,
 Не будет денег, тебя продам.

Напев не имеет своих собственных, хотя бы немногих куплетов или строф, на этот мотив нанизываются самые разнообразные строки. Он тоже медленный, с быстрым перебором инструмента. Эти переборы, время от времени перехватывающие частушку, очень трудно запоминаются и передаются благодаря своей быстроте, но они очень разнообразят и украшают песню.

Мне остается поднять еще один вопрос, на который я сама не умею найти исчерпывающего ответа. Внимательный слушатель скоро замет в частушке преобладание женских строф, которые поются от женского лица. Процентное отношение таких строк к мужским и нейтральным таково: на 100 женских 10 тех. Очевидно, это не случайно.

Поются эти песни одинаково и мужчинами и женщинами, но кто же сочиняет женские строфы, мужчины

или сами же бабы? Тогда ведь придется признать в частушке преобладание женского творчества.

Думаю, что, как и всегда в поэзии, поэты влагали в уста женщин свои стихи; женская жизнь более подходящая сфера для лирики. Но есть такие строфы, в которых определенно чувствуется женский ум, женская психология.

Спокон веков заплачки, обрядовые песни свадебные и похоронные, пелись и, конечно, частью творились женщинами. Здесь творчество неотделимо от исполнения и очень силен момент импровизации.

Думаю, что и нынче дело стоит так же: творчество распределяется более или менее равномерно между мужским и женским элементом, и преобладание женской строфы этому не противоречит.

В заключение скажу, что народ любит хорошие голоса и исполнение, он понимает в этом толк и по своему ценит. Вот, например, концовка одной частушки, где певец очевидно иронизирует над собой:

Ты хошь пой, а хошь не пой,
 У тебя голос не такой.
 А вот бывают голоса,
 Так поднимают волосы!

1922 г.

Публикация И. Поповой, М. Тимошенко

Напевы волжских частушек

¹¹ [Речь идет об адмирале Колчаке].

VII. *Allegretto.*

тре-жа ми. Па-ро-дидей Таласра. Вспомни то бы-ло 'Здрок вейуй мажуща са-
 ма-ри. Аль же за-бы-ла? За-бы-ла за-бы-ла, за-бы-ла же ма-я; за-бы-ла, за-
 бы-ла, за-бы-ла же ме-ня. *VIII. Andante* Но сре-ди са-ро-р-ва (э-то
Moderato. ты, да э-то я.) Ах, ша-ра-бан мой, ах-ша-ра-бан мой не бу-де-
 де-не, тебе про-дай. Па-ро-дидей А-но-тия Волга мажуща ре-
Allegretto. ка и в одке вода и под лодкой вода. Девки подки проломим пере возышки беда.

Inga KOROLKOVA, Daria ZHUKOVA
 Mily Balakirev's collection of folk
 songs in the light of modern
 expeditionary records

Инга КОРОЛЬКОВА, Дарья ЖУКОВА
**Сборник народных
 песен М.А. Балакирева
 в свете современных
 экспедиционных записей**

Уже почти 150 лет прошло со времени выхода в свет сборника народных песен Милия Алексеевича Балакирева. Одним из первых среди профессиональных музыкантов Балакирев осуществил специальную экспедиционную поездку по Волге для записи подлинных образцов народных песен.

The article is devoted to folkloristic attitude of music material represented in Mily Balakirev's collection of folk songs. The folk songs, written down and published by the composer in 1866, are being compared with similar examples fixed in the Nizhny Novgorod Region by several researchers in the 20th century. The comparative analysis of variants of round-dance and wedding songs gives the grounds for a high degree of identity of Balakirev's aural records.

Key words: folk songs, auditory notation, Mily Balakirev.

В статье производится фольклористическая оценка музыкального материала, приведенного в сборнике народных песен М.А. Балакирева. Песни, записанные и опубликованные композитором, сравниваются с близкими им образцами, зафиксированными в Нижегородской области собирателями XX века. Сравнительный анализ вариантов хороводных и свадебных песен дает основание говорить о высокой степени достоверности слуховых нотаций Балакирева.

Ключевые слова: народные песни, слуховые нотации, М.А. Балакирев.

Экспедиция состоялась летом 1860 года совместно с исследователем и знатоком русского фольклора, поэтом Н.Ф. Щербиной. В течение нескольких последующих лет М.А. Балакиревым был подготовлен сборник, опубликованный в Петербурге А. Иогансенем в 1866 году.